

Орест Михайлович Сомов. Юродивый

Малороссийская быль

Изд.: Советская Россия, 1984

OCR: Андрей Колчин

Весело ехал молодой офицер из одной загородной деревни, где провел день в самом приятном кругу – в кругу гостеприимных хозяев, милых их дочерей и пяти или шести молодых своих товарищей. Он спешил на ночь в город, потому что на другой день должен был идти в караул. Луна, верная спутница летних ночей украинских, сыпала серебряный свет свой на рощицы, на холмы и поля и рисовала взору прелестные картины, дополняемые пылким воображением.

Лихая тройка коней быстро несла каткие дрожки офицера. Вдруг, на повороте около одного оврага, что-то черное, лежавшее почти на самой дороге, мелькнуло в глаза пугливых коней; кони всполохнулись, рванулись и, не чуя вожжей кучера, бросились в сторону с большой дороги, по рытвинам и кочкам. Кучер слетел с своего места, офицер почти вслед за ним – и кони скоро скрылись из глаз.

Не чувствуя никакого ушиба, Мельский – так назывался офицер – встал, отряхнулся и пошел отыскивать своего кучера, которого скоро нашел также на ногах и в добром здоровье. Оба они упали на мягкий чернозем и разделались только невольным своим полетом. Поздно было искать лошадей; да и где их найти? Почему офицер, со всею беспечностью молодых лет, оставя на произвол судьбы коней своих и колесницу, захотел узнать, что было причиной их испуга.

– Иван, – говорил он кучеру, шедшему вслед за ним, – как ты думаешь, чего испугались лошади?

– Помилуйте, сударь, да как и не испугаться: на дороге лежала целая стая волков!

– Трус! Недаром говорят: у страха глаза велики.

– Да право, сударь, их было по крайней мере пары две или три.

– Перестань болтать пустое; если б это были волки, то ужли ты думаешь, что они и не пошевелились бы в то время, когда мы со стуком пронеслись мимо них?

– Воля ваша, сударь, а я сам видел с полдюжины глаз, которые горели, как уголья.

– Полно, полно! Ты видел в траве какого-нибудь светляка или и вовсе ничего не видал. Ступай за мною: пойдем доведываться, что там было.

– Да как, сударь! При мне ни топора, ни большого ключа от колес: все это в дрожках.

– При тебе твой кнут, а за поясом вижу у тебя большой складной нож: этого очень довольно. Ступай за мною, и больше ни слова.

Не смея ослушаться своего барина, Иван пошел за ним, взяв в обе руки оба свои оружия, повесив голову и ворча себе под нос.

Мельский и сам из предосторожности вынул шпагу и окидывал взором дорогу впереди себя. Небольшого труда стоило ему отыскать черное страшилище Ивана и лошадей: то был человек; он лежал на краю дороги, поджав ноги под платье и укутав голову рукою, и, казалось, спал крепким сном.

– Вставай, пьяница, – кричал ему Мельский, толкая его под бок носком сапога.

– Пьяница? Не я пьяница, а твои глаза охмелели, – отвечал грубый, хриповатый голос.

– Вставай же, покамест тебя не подняли неволею.

– Оставь меня! Тебе завидно, что я здесь сплю в чистом поле, и самому приходит охота полежать на сырой земле. А вот, подожди с недельку, тогда и я в свой черед тебе помешаю...

– Ну, как хочешь, приятель, а я тебя вытрезвлю, – сказал Мельский, принимая его за пьяного, который грезил с хмеля... – Иван, подними его!

– Не дотрагивайся до меня, хам! – сказал мнимый пьяный и поспешно встал на ноги.

Это был человек высокого роста, с щетинистой бородою и всклоченными на голове волосами. Лицо его было бледно и сухо и при лунном свете казалось как бы мертвым; мутные, бродящие глаза его показывали, что голова его не в самом здоровом состоянии.

– А, да это наш полоумный, – вскричал кучер, очнувшись от страха, – в городе зовут его Василь дурный.

– Дурный! – подхватил Василь, передразнивая кучера. – Правда, Василь не